

Виктор Федорчук

РЕЧКА УСТЬЯ

Стихотворный рассказ
об одной русской местности

3-е издание, переработанное и дополненное

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2018

ББК 84-5(2Рос-4)
Ф33

Федорчук В. Н. Речка Устья. Стихотворный рассказ об одной русской местности / Виктор Федорчук. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2018. – 97 с.

Книга представляет собой лирические зарисовки людей и природы Угличского края (местности около р. Устье в Ярославской области). Некоторые главы касаются событий, происходивших здесь в XV, XVII и XX веках. Многие события характерны для любой сельской местности Центральной России.

При написании книги использованы воспоминания Прасковьи Георгиевны и Людмилы Александровны Кузнецовых, исследования Виктора Алексеевича Бурякова по истории села Троицкого и местной церкви, а также литературные и архивные материалы. Однако книга представляет собой не документальный рассказ, а впечатления автора об известных ему местах, людях, событиях. Поэтому, в частности, и река Устье называется в книге так, как зовётся в обиходе, – Устья. В разделе «Охота» отражены также впечатления о годах учёбы в Ленинградской лесотехнической академии.

В третьем издании (первое – 2003 г., второе – 2008 г.) сделаны незначительные исправления и несколько расширен раздел «Примечания автора к отдельным главам».

Виктор Федорчук – автор девяти, преимущественно стихотворных, книг, изданных в 1997–2017 годах: «Брезозор», «Стекло», «Речка Устья», «На берегу несинего моря», «После зимы», «Надежда была», «Две родины», «Голосами животных», «Невечный огонь».

Редактор *И. А. Сергеева*
Художник *М. Л. Кузнецова*
Корректор *М. Г. Крашенникова*
Оригинал-макет *Е. В. Ершовой*

© Федорчук В. Н., 2018
© Кузнецова М. Л., иллюстрации, 2018
© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018

ISBN 978-57422-6107-0

Посвящение

*Крестам на Троицком погосте,
Могилам здешним и иным,
Всем тем, кто сгинул, словно дым,
На вечном нашем перекрёстке;
А также вам, ещё живым,
Тем, кто остался с речкой Устьей,
И тем, кто странника суму
Несёт по нашим землям русским.
...И Лёве – другу моему.*

Часть первая
НА БЕРЕГУ

ОКРЕСТНОСТИ

1. У реки

Вот речка Устья – малая вода,
Над ней стоит деревня Слобода.
А рядом, выше по теченью,–
Сосновый лес и пойменный покос.
Вниз по реке – поля, селенья,
Там – Троицкое: церковь и погост.

Наш дом, как полдеревни, смотрит на закат.
Построен он давно, но кажется, был вечно.
Отсюда видно близкое заречье,
Где дом помещичий стоял. Его фасад
Глядел на нас и Барский омут.
Теперь помещика никто не помнит,
Да и купца, купившего тот дом...
Однако мой рассказ о времени ином.

Из Слободы видна дорога на Москву,
А также на недалний Углич.
Но если ты не только город любишь,
Побудь со мной: я здесь порой живу.

Что мне сказать о родине людей,
С которыми я жизнью длинной связан?
Об этом после, а пока скорей
Туда, где взгляд мудреет и добреет разум.

2. В лесу

Шум сосновый здесь тише
Сонных устьинных вод.
Только б это и слышать,
Да душа не даёт.

Вечной хвойною нитью
Здесь скреплялись века.
Только лес и ценить бы,
Да земля велика.

Здешний лес – для молитвы,
А не только для дров.
Только Богом и жить бы,
Да никто не готов.

Отступление о рябине

*Сколько рябины в этом году!
Это на радость или беду?*

*Вкус этих ягод –
Прошлого след:
Терпкая мякоть,
Сложный букет.*

*Южные листья,
Северный рост,
Осенью – лисий
Цвет у волос.*

*Древние краски,
Смешанный стиль:
Дерево – сказка,
Ягода – быль.*

СОСЕДИ

1. Саша

Нам смертельно местное спиртное.
Мужики здесь умирают часто:
То – мороз, то – дело ножевое,
То – петля... В деревне жить опасно.
Есть такое, что и не приснится.
Вот недавно Колька помер. В 30 лет-то!
Говорят, разрезали его в больнице,
А внутри – лишь водка да конфетка...

Подошёл тут как-то к огороду
Наш сосед, и вид его был странен:
Шляпа – что ведро (под мусор, а не воду),
А лицо темнее старого бурьяна.
Вспомнил я отца его. Давно уж
Он живёт в местах не матерьяльных.
Человеком был вполне нормальным
(Ну, по местным меркам – как же по-иному?).
Раз пошел он вечером на пчельник,
Выпив много лишнего, наверно.
Пчёлы, видно, тоже захмелели
И его зажалили до смерти.

...Вспомнил я и спрашиваю Сашу:
«Как живёшь? Ты что такой горбатый?».
Равнодушно оглядел он наши
Бодрые картошку да томаты,
Ватник снял, ответил, как во сне:

«Хреново, хреново тут мне,
Не знаю, чем и заняться,
От скуки впадаю в тоску.
Иду в батраки наниматься
К такому ж (почти) бедняку».

«Ведь ты же не “в людях” живёшь, –
Ему говорю, – а в избе
Своей. Что ж дело себе не найдёшь
По душе, по судьбе?
Земля твоя заросла,
Крапива кругом да пырей.
Не хочешь так жить, чтоб цвела
Хотя бы картошка на ней?»

«Зачем нам теперь-то земля,
Когда мы её расхотели?
Мы общей землёю наелись,
Друг друга и мир веселя.
Кто будет пахать свой гектар,
Когда в нём загадок по пояс?
Здесь вырастет больше разбоя,
Чем нынче травы. А товар,
Коль вызреет, пусть небогато,
Кому и куда продавать-то?
А мне одному много ль нужно,
Чтоб есть не траву, и пить не из лужи?»

Он ватник потёртый, кургузый
Поднял с поленицы дров
И пошёл,
Но несколько слов
Сказал на прощанье «по-русски».

Через год мне увидеть соседа уже не
пришлось:
Было вольно однажды душе его пьяной,
Саша мой до крыльца лишь чуть-чуть не
дополз...
А на воле стоял смертельный мороз.
И то и другое – не очень-то странно.

Отступление о русском мате

1. Что-то вроде теории

*Русский мат – от русской жизни:
От тоскливости зимы,
От того, что бескорыстны,
Разрушая что-то, мы,
От неверности соседей,
От напрасности тюрьмы,
От телеги, что не едет,
От внезапности сумы,
От красот земли родимой,
От того, что барин крут,
От чудес, так долго чтимых,
Не исполнившихся вдруг.*

*Русский мат – от русской власти.
Что за стыд... такую мать!
Постоянное напасти
Здесь в России не сыскать.
Наша власть – то расточитель,
То – как будто оккупант,
То – народных дел хулитель,
То – идейный вор-грабитель,
То – обычный спекулянт.*

*Но зачем же власть мы дарим
Тем, кому всё нипочём?
Тем, кто вздорен и бездарен,
Для чего поклоны бьём?
Трудно нам винить чужих:
Русский мат – от нас самих.*

*То, что делается с нами
И творится возле нас,
Только «русскими» словами
Можно выразить подчас.*

2. Случай на вокзале

*Из деревни как-то летом
Я приехал на вокзал.
Был спокоен: я – с билетом
(Потому что раньше взял).
Ожидая с нетерпением
Я состав обычный свой.
Вот уж время. Я в сомненье
К кассе: «Где же поезд мой?»
Говорят мне не со смехом,
А совсем наоборот:
– Поезд ваш вчера уехал.
– Почему??? Билет же... вот!
– Изменилось расписание...
Как – «зачем»? Пришла пора.
– Я ж билет-то взял заранее!
– Надо было брать вчера!*

*Этим бодреньким куплетом
Завершаю очерк свой.
Перешёл и я тем летом
На язык страны родной.*

2. Слух о Вшивой горке

За Дубняками бывшими
Среди лесов осиновых,
По слухам, есть гора.
Как говорят бродившие
С огромными корзинами,
Та горка, впрочем, малая
И как бы захудалая,
Вся ростом – в три ведра.

Зато грибов – невиданно,
И ягод – как раскидано,
Орехов – как в саду.
Размеры всех проверены:

Грибные шляпы, веришь ли, –
Что хлебы на поду́.

Не только днём, и ночью-то
Там с веток льётся со́чиво
На прошлогодний лист.
А на земле, как мячики,
Тетерева да рябчики,
Но нет коварных лис.

Вся жизнь на этой горке-то
Не кислая, не горькая –
Совсем наоборот:
Кругом всё чисто, ладно так,
Безлюдье, пища сладкая
Попасть мечтает в рот.

Не пахано, не полото,
Не сеяно, не молото,
Всё – даровой припас.
Прийти лишь надо во́время,
Чтоб не было кем собрано
Готовое для нас.

Дают приметы верные
Соседи деревенские,
Как горку отыскать:
«Идите на Держилово,
Потом у дуба хилого
Придётся влево взять.

А дальше – на Моnáрево
По краю сечи старенькой,
Там будет восемь пней.
Болотце рядом плёвое
И мишкина столовая,
Где кости двух лосей.

А там – берёзы малые
И ямы длиннопалые, –
Вот, значит, и пришли.
Спасибо богу случая,
Коль доведёт, не мучая,
До сказочной земли».

И я ту горку Вшивую
Пытался у Держилова
Искать из года в год.
Приметы знаю накрепко,
Но выхожу всё на реку,
Туда, где Леший брод.

Быть может, за Держиловым,
Быть может, за Монáревым
И правда есть гора.
Но где – счастливыцы? Жили бы
Они богато... Или же
Всё скрыли? Люди знали бы!
Нет: сказочка стара!

3. Разговоры с Петровичем

Ты ведь, Петрович, кажется, был сапёром
И с войны вернулся не скоро?
Как случилось, скажи-ка ты мне,
Что ты выжил в прошлой войне?

«Что ж, главное – это, конечно, удача.
Но надобно было и кое-что знать:
Не только, как мины в земле разряжать,
Делá попроще тоже многое значат.
Допустим, быстро дрова напилить,
Вмиг наколоть, печь растопить,
Кашу различного сорта
Сварить, крупу не испортив,
Воду найти в степи прокалённой

В расположении батальона,
Сапог починить, смастерить волокушу,
Рассказ рассказать, чтобы не было скучно...
Такие дела, ты мне можешь поверить,
Дни и часы сохраняют от смерти.
Короче: чем больше умеешь,
Тем будешь, даст Бог, и целее».

«Говорят, что труд – это наш воспитатель;
Он творит не просто людей,
А таких, каких замыслил Создатель
Как своих любимых детей.

Но не каждый труд на это сгодится:
Сотворишь ли лучшее в себе,
Коли печь сложил, а она дымится,
Или плохо убрано в избе?

Кем ты станешь, коль не замечаешь:
Ты всё делаешь, как забиваешь гвоздь
В ту же дырку, что была в начале, –
В древесину, сгнившую насквозь?

Не признает Бог тебя, коль не умеешь
Делать кое-что по-новому, – так, чтоб
И земля и вещи от тебя умнели,
Делать так, как не умел никто.

Ну а если ты по-божески работал,
А живёшь всё время, как бедняк,
Объясни мне: то – задумка Бога,
Или мы здесь что-то делаем не так?»

«Жизнь вокруг – как в хозяйстве старинном:
Выжжем, вспашем, посеем. Потом
Раз-другой зерно соберём
И забросим: береза, осина

Пусть растут. Это место в свой срок
Называется «перелог».

А затем – опять изменение –
Бунт, война, словотрясение:
Выжжем всё, что считаем не впрок,
Вновь посеём, посмотрим – нет толку!
Вновь забросим пашню надолго,
И опять у нас – перелог.

Нет, чтоб кроме самосожжения,
Применять ещё удобрение».

«Сколько леса сожгли, а всё не тепло.
Сколько хлеба убрали, а сытнее не стало.
По нашим усам всё богатство текло,
А в рот почти не попало.
Может, надо сбрить эти наши усы-то,
И тогда, наконец, будем сыты?»

«Ты не думай, что я только и знаю,
Как заполнить пóдпол свой да сарай.
Я уже давно понимаю,
Что мне нужен не только сам урожай,
Но и дело выращивания урожая.
Потому-то не просто к клубням
И к зерну я привязан тут.
Я землю люблю, – и она меня любит,
Инструмент люблю, – и он меня любит.
Вот это и есть крестьянский труд».

Часть вторая

ТЕЧЕНИЕ

ДОМ

1. Изба

Ещё хранятся здесь старинные предметы,
Которые служили весь ушедший век.
Их действие на нас пока заметно
(Но, может быть, уже и не на всех).
Нет многих лиц, глядящих со стены
На жизнь, которую понять им было б трудно,
А нынешние, глядя с *этой* стороны,
Себя невольно сравнивают с теми, кто – *оттуда*.

Уже небратство есть (как ветра с мертвой веткой)
Предметов старых – с нынешним житьём.
Вот и живём мы здесь давно уж только летом.
Но всё-таки пока ещё живём.

А надо ль сравнивать людей и поколенья?
Живущий, как известно, *несравним*.
И всё же польза от взаимного гляденья
Для нас, конечно, есть. Но нужно ль это *им?*..

Печально мне спокойное незнание
Как жизни тех, кто нас сюда впустил,
Так и старинного призванья
Вещей, хранимых из последних сил.

Здесь центр всего – тепло от печки русской.
Она – и мать, она – и власть.
Ведь у её мерцающего устья
Жизнь здешняя когда-то началась.

Избу же эту старую, простую,
Которая для нас важней иных дворцов,
Построил вместе с братьями над Устьей
Егор Михайлыч Кузнецов.

2. Исход

У Егора дом высокий,
В доме - девок урожай.
Кто задумает жениться,
Тот к Егору поезжай.

*(Местная частушка
прошлых лет)*

Дни, в труде протекая,
Могут даром пропасть.
Трудно строить, не зная,
Как поведёт себя власть:
По-петровски?
По-бесовски?
По-хозяйски?
По-босяцки?

Счастье было едва ли:
Быт крестьянский суров.
Но в двадцатые дали
Землю – десять паёв.
Им бы жить и пахать бы
(Семь родилось детей),
Девок вырастить к свадьбе
И поднять сыновей.

Но советская власть –
Не баранка, не сушка.
Жизнь семьи завилась,
Как сосновая стружка.

Поначалу семейству дали
На семи полях – семь полос.
Клевер сеяли, картошку сажали,
После репы – лён, жито, овёс.
(Егору с Анной дети уже помогали).

Доставалось всё потом и кровью.
Жизнь наладилась, наконец:

Появился конь, две коровы,
Завели романовских овец.
(Коль скотиной обделён,
Как ты вырастишь свой лён?).

А косили в пойме – на Рóгах,
Был в Курышине также покос.
Хлопотать приходилось много,
У детей доходило до слёз.

Зимою льном занималась Анна –
Куделью да маслом. А всю весну
Сидела она у ткацкого стана,
Ткала суровую новину́.

А Егор после заморозков осенних
Работал в лесу и на постройке дорог;
Иногда он ездил на базар в Заозерье,
Чтобы продать полсажени дров.

Для детей (а каждый чуть-чуть да не сыт)
Был приезд отца – как праздник.
Привозил из Ильинского он мионовской
колбасы,
Из Заозерья – связку баранок.

Жизнь была не легка, но, к счастью,
Постепенно светлела она,
Как лежащая на мартовском насте
Небелёная новина́.
И если б оставили деревню в покое,
Жизнь потекла бы, как масло льняное.

—
Но вот – ветер столичный
Весь достаток унёс:
Труд закончился единоличный,
Появился колхоз.
Сдали лошадь, корову,
Инвентарь, семена,

Амбар, ригу, сарай новый...
Да, иные пошли времена!

Как непаханный воздух,
Стала общей земля,
И от этого позже
Разлетелась семья.

По советскому свету
Раскидало детей,
Что солому под ветром, –
Пятерых дочерей
И двоих сыновей.

—

В годы те немилые
Потерял фамилию
Житель слободской.
Очень смело начал он
В Слободе начальствовать.
Способ-то простой:
Коли раскулачивать,
Значит, надо на́чисто
Обобратить дома,
Из которых выгнали
Всех хозяев (выслали);
Жизнь для них – тюрьма.
Что в домах осталось, то
Следовало, стало быть,
Государству сдать.
Всё, что взято сговором,
Где-то в Каблуково там,
Стали продавать.

Ну а этот деятель
О себе радетель был:
Тихо забирал
Он из общей кучи-то
Часть вещей (получше что),
И не продавал.

Так его фамилия,
Как вода над вилами,
Вся ушла.
И вот –
Стал его не Галкиным
Звать, а – Раздевалкиным,
Слободской народ.

... Были долгие годы
(До войны и потом) –
Жили Анна с Егором
В нашем доме вдвоём.

Приезжали к ним дети.
(Гости! Что с них возьмёшь?).
Дети, внуки – как ветер:
Ну, гостинцы, приветы.
Жизнь своя у них. Что ж...

После смерти Егора
Жизнь совсем замерла.
Дрань на крыше так скоро
Погнила, потекла...

Остывает замолкнувший дом,
Зарастает порог лопухом;
Бельма окон – доски-закрѳи –
Знак покинутых жизнью построек.
Уж не шепчут поленья в печи,
Даже мышь не шуршит, не пищит.
Днём темно, но луч тонко-нежный
Освещает немного мир прежний.
Всюду чисто, ведро – без воды.
Для мышей не видно еды.
Ничего на столе не пылится.
А в углу – пустая божница.

Отступление об ожидании Иного

*В час другого дня зачатья,
Если свет готов к рождению,
Зреют новые понятия
Для дневного воплощенья.*

*Новый день – ещё икона;
Он почти что бестелесен,
Он ещё настолько новый,
Что теням в нём нету места.*

*Как в нём жизнь пойдёт? – Иначе?
Потечёт блаженство речкой?
В нерешаемых задачах
Пропадут противоречья?*

*Бестенистые надежды
Только в этот час возможны:
На понятиях – нет одежды
Из вещественной рогожи.*

*В час другого дня зачатья
Не видать его итога,
И тогда – возможно счастье
В ожидании Иного.*

3. После Егора

А когда Егора и Анны не стало,
Заезжала в дом иногда родня,
Кто на месяц, кто на три дня.
Но добра не прибывало.
Старый дом дряхлел, капал дождь внутри.
Огород усох, стал – ну, сотки три.

А потом у внучки Егоровой
Родилась такая дочь,
Которая была здесь жить не прочь,

До осени расставаясь с городом.
И поэтому стали всё чаще
Мы видеться с речкой молчащей,
И с домом старым, и с огородом,
И с лесом, и слободским народом.
А хозяйкой старого крова
Стала дочь Егора – Прасковья.

И вот с Божьей помощью (и Петровича)
Дом Егора мы перестроили.
Заменили гнилые венцы,
Дранку шифером сверху покрыли,
Двор сараем стал (ни кур, ни овцы),
Огород до старой рябины дорыли.
А потом от прогона соседнего
И до места омшаника дедова
Мы поставили новый забор.
Он стоит до сих пор.

Но по-прежнему мы – перелётные птицы:
Для зимовки изба не годится.
И теперь у неё другие задачи:
Быть не домом (увы!), а всего только – дачей.

МЯТЕЖНЫЙ ПОХОД (впечатление участника по нескольким пересказам)

Старухин пришел из Нагорья
И стал нас убеждать:
«Мы, мужики, ещё хлебнем горя,
Если не сменим рабочую власть.
Уже и хлеб, и скот отбирают,
Потом насильно в коммуну возьмут.
Там общим будет не только труд...
А церкви, слышали, как разоряют?»

Мужики сочувствовали, но молчали.
Слушая дальше, поняли потом:
Хоть и боязно идти на волисполком,

Но говорит же человек, что власть кой-где
поскидали.

Решили завтра пораньше встать
И пойти скидать советскую власть.

Так и было. Утром собрались,
И в Ильинское – с песнями, с матом густым,
как творог.

Я с собой не взял ничего, а иные взяли,
Кто топор, кто семечки, кто что мог.
Добежали, открыли контору,
Дверь высадив (не помню, кажется, плечом).
Никого не застали там. Тот, который
Агитировал нас, убеждал горячо
Ничего не трогать. Какое!
Со столов мужики потащили скарб:
Ну, ножницы там и всякое такое...
И вдруг – выстрелы грянут как!
Это из Углича – комитета дружина,
Лошадь, телега и при ней пулемёт.
Мы – врассыпную. Вот и вся причина,
Почему не удался этот поход.

Оказывается, ночевал в деревне нашей
Солдат из Питера по фамилии Львов.
О сходке прослышал он днём вчерашним,
А ночью в Углич ушёл. И вот –
Подъехали в Ильинское угличане
И быстро нас разогнали... Да.
А Старухин спрятался; помнится – в бане.
Его всё-таки расстреляли тогда.

Старухин – не наш, но и Львов – уж не сельский.
Что нам было тогда до этих двоих?
Жить своим умом, видишь ли, не захотели,
Решили поучиться у других.
Кто из них был – как лист последний,
А кто – как первый жестокий мороз?
Так и не поняли ни я, ни соседи,
Зачем к нам чёрт тех двоих принёс?

Да, было в Ильинском той осенью жарко.
Решил я больше не участвовать в мятежах:
Вот глядите, – без оглядки от выстрелов убежав,
Потерял я по дороге шапку.
...А что мы потом потеряли все вместе,
Это знают и куры мои на насесте.

Отступление о целине

*Заросла тропа,
Там – излом-трава,
Ох, колючая, эх, липучая.
Нет! Тропа – не по мне,
По простой целине
Пойду лучше я.*

*Русских дел целина
Широка и вольна,
В ней бескрайнего чуда россыпи.
Тот, кто любит бродить,
Чудеса находить,
Целиной той набродится дóсыта.*

*В нашей долгой стране
Тропы есть в целине,
Но на них стебли трав, словно надолбы.
Ну а я, зная Русь,
Без тропы доберусь;
А куда – не скажу.
Куда надобно!*

КАТЫРЕВА ЯМА

Памяти Оли Черновой

Поклоны ив воде речной –
От жажды бесконечной.
Людей же тянет в мир иной
Для дел околоречных:
Для полоскания белья,

Что выстирано в бане,
Для дела дельного и для
Пустого дела тянет;
Одних людей – для ворожбы,
Других – для дел сердечных,
Обычно – просто для косьбы
Травы приречной;
Иные любят рыб ловить
Из тайн глубоководных,
Другие здесь хотят забыть
Про мир негодный.

Анне Кáтыревой душно и жарко,
Не спасает и свежий рассвет.
Ей своих дочерей, ох, как жалко,
А себя – уже нет.

К Устье утренней – по Пустóшке,
Шаг её – тороплив.
Из тумана, как шалые лошади,
Вырастают призраки ив.
Вдоль по лугу сенокосному
Анна почти бежит,
Чтоб скорее, скорее кончились
Её жизнь, её страх, её стыд.

...А вчера свиноматка Фроська
Залегла наконец-то рожать.
Был уж вечер. Соломы в станок подбросив,
Анна приготовилась ей помогать.

Родились четыре сначала,
Через час – ещё два.
Анна пуповины перевязала,
Рты очистила поросятам. Едва
Это сделала, Фроська забеспокоилась,
заворчала,

Но вроде уснула. Надо ждать,
Когда выйдут другие. Сколько их будет –
три, пять?

«Какая Фроська ворчливая у меня.
Эх, мало даём соли, клевера да ячменя».
...Лампа тусклая еле светила.
Задремала Анна и ей
То ли вспомнились, то ли приснились
Глаза её дочерей,
А потом – бесконечное сено,
Что ворошила и огребала она,
Как пришла с покоса и села
У избы возле окна.
И увидела пьяного Павла.
Он сказал: «Что расселась, смотри,
В огороде трава, словно патлы
У бабы, нечёсаной с девичьей поры,
И пора уж давно (такую-то мать)
Огород поливать.
А днём я всю избу перерыл,
Из еды нашел лишь творог.
Зарабатывать я бы тоже мог,
Коль с хорошей еды набрался бы сил.
Твой свинарник, я слышал, хвалят,
А в доме – ни мяса, ни сала,
И дети наши заброшены.
Что нашёл я в тебе хорошего?
Да, душа когда-то – была... А – тело?
Но теперь и душа очерствела...
Упросил я, Анна, свою мать
Наших детей в дом отцовский забрать...»

Он ворчал, будто небо при громе
Или голосом чавкающих свиней.
...Проснулась Анна и видит –
Нет поросят на соломе!
Их нет ни рядом с Фроськой, ни под ней.

Свинья, видать, родила остальных,
И съела кровавый послёд,
А за ним – и детей всех своих.
Нет поросят! Совсем нет! Нет!..

—

Наступал неизбежный тяжёлый рассвет.
Появился Пикулин – колхоза начальник.
«Поросят сколько?» – спросил он сначала.
«Не знаю, – говорит Анна в ответ.–
Не увидела я, как Фроська
Стала опять рожать,
А потом поросят и съела».
«Брось-ка!
Если – так, то тебе несдобровать:
Ты вред нанесла колхозу,
А, значит, и всей стране.
Нам ведь, знаешь, отовсюду угрозы,
Мы нынче, как на войне.
Потому я должен, как руководитель,
Сообщить, кому надо, что ты – вредитель».

«Ты сам-то загнал, – забыл уж? – коня
И пьёшь, как мужик мой запойный.
Забыл, что двое детей у меня,
А Павел – что ветер вольный?
Разродилась-то Фроська лишь к середине
ночи.

А я в прошлый день устала очень».
Засмеялся тогда Пикулин
И сказал, глядя Анне в глаза:
«Мне щадить тебя нельзя,
Чтоб меня с должности не турнули.
А о детях-то не беспокойся:
Свекровь возьмёт их к себе.
Ты подумай-ка лучше о своей судьбе,
Скоро спать-то придётся в казенной избе,
И жить – по команде “Стройся!”»

Он вышел. Анна села
Рядом с логовом Фроськи на пол.
Ни о чём думать не хотелось
(Хорошо, что Пикулин ушёл).
Лампы тусклые, плохо видно...
Фроськины роды – как страшный сон...
Жито, отданное в район,
Требуют голосистые свиньи...

Ей страшно стало. Но больше – стыдно
За себя и такую жизнь,
Когда телу всё же бывает сытно,
Но нету хлеба для бабьей души.
Что утешит?
Не Пашка же, играющий в карты с парнями,
Не доски же скользкие на свинячем дворе,
Не мухи же, липнувшие при летней жаре,
Не плетюга же с сеном, будто с камнями,
Не пыль же от сена при зимней тряске,
Не сон же тяжёлый, как на вилах навоз,
Не рука же мужа с ремнём для остратки
И не дом родительский – дом-то былём порос...
Разве дети? Но для них уж не будет времени,
И сейчас-то ласкаешь больше поросят, чем ребят...
Есть ведь в деревне крепкие семьи-то...

Захотелось Анне отдохнуть от себя
И увидеть, как ястреб кружится
Над рекой и кустами ив...
Там весной когда-то цвели калужницы,
А над ними струился прозрачный речной разлив.

Катырева Анна –
Розовый платок.
Что спешишь так рано
Этот пить глоток?

Как детей-то бросишь?
«Я уж – не жива...»
Ноги, губы, косы,
Водная трава...

Эх, Катырева Анна,
Платочек – розов цвет.
Есть – Катырева яма,
Анны – нет.

Её хватились в тот же день.
Искали долго по порогам
Домов окрестных деревень.
И, наконец, в Большие Рóги
К покосам пойменным идя,
Платок её нашли однажды.
Платок лежал на сене влажном,
Как Фроськи мёртвое дитя.

...Там, где не видно ни креста, ни камня,
Где ивы над водою виснут,
Осталась – Катырева яма
На месте жизни.

Отступление о русских женщинах

*Если будет день всепрощения
У высшего в мире суда,
Бог скажет особое мнение
О женщинах русских тогда.*

Он скажет:
«За грех в своей жизни
Они заплатили вполне –
Трудом тяжёлым излишне
И голодом по весне,
И тем, что детей бесконечно
Смывало военной волной,
Что знали лишь поле да печку...
Они заплатили судьбой,
В которой мужицкое дело
Решать приходилось, когда
Мужик – то в город, то в пекло
Войны,
То в хмель – в никуда.
Грехи они оплатили
Не только страданием,
А тем,
Что хлебом часто делились
(Коль не было худо совсем),
И тем, что счастья хотели
Назло пророкам иным,
А всех несчастных жалели
Счастливым сердцем своим,
И тем, что весёлыми были,
Когда был правитель суров,
И тем, что жарко любили
Беспутных своих мужиков,
И тем, что упавшую долю
Несли,
На судьбу не греша,
Что всё же – на Высшую волю
Надеялась их душа».

...Бог скажет –
И станет иначе
В стране, где сплошной снегопад,
Где кони безумные скачут
Да избы всё время горят.

ТРОИЦКОЕ

1. Преподобный

Храм Святой Троицы на р. Устье.

Основан в 1492 году.

(Из надписи на памятной доске)

Весна была обычной, но земля
Ещё не стала настоящей сушей.
Ручей разлился, вышел на поля
И беспокойные смущает души.

...Что днешь задумал инок Вассиан? –
За Волгу смотрит, не мигая,
Бормочет, что-то повторяя,
И вот к игумену идёт, не зван.

В а с с и а н

Учитель, отче! Скоро двадцать лет,
Как я здесь в послушанье строгом,
С усердием монастырю и Богу
Служу. Но ныне нужен мне совет.

Мне нравится столярня и просфорня,
Я с удовольствием работаю в саду,
А надо быть пономарём – иду,
И на покосе действую проворно.

Хоть главный утешитель жизни – труд,
Я знаю здесь немало утешений:
И книг великих новое прочтенье,
И те беседы, что ведём мы тут.
Ещё люблю ходить я по безмолвным
Божественно украшенным местам.
Как дивен мир, он – словно светлый храм!
Мне в нём покойно, сладко, богомольно.

Но жизнь мирская слишком близко здесь.
Тут Углич, торг и власть, всё – рядом.
Нас задевают княжеские дрязги;
У всех правителей – одна болезнь.
Вот князь Андрей – мне за него обидно!
И в Луках дальних, и во Пскове он
Зачем нарушил Божеский закон,
Теснил и грабил беззащитных?

П а и с и й

Князь Андрей родился в темнице
И, наверно, преставится в ней.
Быстрой смерти, Бог даст, не случится...
Жаль его молодых сыновей.
Я просил за них князя Ивана:
Неповинным зачем же страдать?
Он молчит. Что ж, не буду нежданно
Его просьбами досаждать.

...Но что нам сей мир, не главный, не первый?
Мы же служим Спасителю нашему, Христу.
Нам следует душу свою очищать от скверны,
В трудах и молитвах обретать чистоту.

Считали, что год сей для тварного мира –
Последний. Однако же срок,
Назначенный людям, ещё не истёк.
Значит, есть у нас время на Божью милость.

Спокойная жизнь на Руси – ненадолго.
И скоро придёт череда таких дней,
Когда по стране будут бегать голодные волки,
Одетые в личины людей.
А наши грехи Господь отмечает. Недаром
Он даёт нам знать, если что не так.
Вспомни: пятнадцать церквей сгорели
в прошлогоднем пожаре,
И это – Его знак.

В а с с и а н

Готов я строить там, где нет ещё строений,
Готов молиться там, где храмов нет,
Чтоб видеть, как работа – сок земли весенней –
Всё оживит, на всём оставит след.
Как стало одиночество мне мило,
Стремлюсь в ненаселённый край.
Ты, отче, укрепи меня и веру дай,
Чтоб жизнь моя переменилась.
Способен я заполнить то, что пусто,
Родиться вновь, жить, новое творя.
Хочу быть земляничным усом
Покровского монастыря.
Укрой меня молитвой, как покровом,
Прости все прегрешения мои,
Направь же к испытаньям новым
И на пустынножителство благослови.

П а с и й

Сын мой, верю в тебя. Да откроются
К новой надежде новые силы твои.
Что ж, Вассиан, строй обитель – во имя Троицы.
Иди ко мне... Господи, благослови!

В а с с и а н

Отче, учитель, я верю,
Что построю обитель и храм.
Я давно о Троицкой церкви,
Конечно, думал и сам.
Я вижу её не только снаружи,
Для меня – это делание человеческой души,
Это то, что невозможно разрушить,
Камни мертвые переворошив.
Троица – это мысль, которая доспела,
Это соразмерного мира красота,
Это единение всех людей, всех пределов,
Это замысла Создателя нашего истинная полнота.

Влечёт в дорогу неизвестность
Того, кто лёгок на подъём,
И до поры не знает местность
О госте будущем своём.
И гость ещё не знает, где же
Придётся с большака сойти,
Но он уже давно в пути –
Идёт упрямо шагом пешим.

Для Вассиана путь знакомый
Был только до Улеймы. Там
Едой пополнил он котомку
И разузнал про те места,
Где сохранился лес старинный,
Есть пожни, рыбная река,
Куда топор с косой пока
Заходят редко, где – пустынно.

Был месяц травень. Но белели
Ещё последние снега
Там, где росли густые ели.
Из них брусничник выбегал
На свет; зимою утомлённый,
Лист кожистый блестел; он рад
Тому, что нет уже преград
Для жизни новой и несонной.

...Костёр вечерний грел, как дома
(Подумал Вассиан) очаг, –
Теплом таким давно знакомым,
Что путник тьмы не замечал.
Ночь пролетела. Ранний вальдшнеп
Прохоркал где-то за холмом,
И новый день в себе самом
Почуял Вассиан: «Ну, дальше,
Дальше!»

...Сначала шум воды был тихим,
Как дальний говор косачей,

Но нарастал, и вот Звениха
Открылась в резвости своей.
Ей путник радостно внимает,
Уже почувствовав родной
Просторный воздух, звук живой
Ещё не виданного края!

И посох свой втыкая в землю,
По крутосклонному холму
Взошёл наверх он.
Всем ли, всем ли
Досталось счастье, как ему,
Увидеть утром яснооким
Картину новых детских дней?!
Там – веры в Бога и в людей
Незамутнённые истоки.

«Зябликов хор громогласный,
Лес, долина, река...
Жизнь, как же ты велика
И – не напрасна!
Боже! Ты здесь ещё ближе.
Сколько в мире любви!
Всё, что вижу и слышу,
Благослови,
Благослови!»

Он сосны рубил для будущих стен,
Из ели он делал стропила,
А крышу покрыл берестю, затем
Её землёй завалил он.
Он печку сложил из глины речной,
Он репище выбрал на склоне,
Где грелся от солнца растительный гной,
Но было тенистее в полдень.
Капустник копал он на низких местах,
Где летом прохладно и влажно,
Он тони разведal в трех омутах
И рыбу ловил на каждом.

В трудах и долгих молитвах Богу
Он жил, но не ведал ещё итогов
Прошедших на Устье дней...
Был сентябрь. Лист летел всё быстрее.

А когда он ставил часовню,
То однажды понял: «Бог мой!
Ты задумал ввести нас в мир новый,
Чтобы он не страдал пустотой».

Все последние дни и молитвы
Вассиан вдруг увидел не как
Золотое чистое жито,
А как жито, в котором сорняк.
И за эти непраздные дни
Стал себя укорять и казнить:

«Несвобода от чуждых, ненастных
Властных сил – это тюрьма.
Но есть и другая опасность:
Жить по прихоти злого ума...
Своего!
Он же хочет
Не зависеть ни от чего,
Чтоб жилось как можно проще,
Чтобы слушать себя самого,
Не зависеть от добрых знакомых,
От реки, от лесов и полей,
От друзей и отчего дома,
От родителей, от детей.
Если ты живёшь, не делая
И не принимая добра,
Ты – оторванная от дерева,
Быстро сохнувшая кора.

Я же здесь не смогу, не сумею
Лишь себе спасенья искать;
Перед Господом благоговей,
В людях чувствую благодать.

Нет, я – не стручок без семени,
Я сердцем навеки прирос
К пахарям местного племени,
И меня знает народ.
Я не просто построить церковь
Здесь хочу,
А чтобы – сто лет
В людях здешних не мерк бы
Божьей искры свет,
И церковь стояла – невестой,
Чтобы так была хороша,
Как местности чудной окрестной
Чутко замершая душа!..
Но Божий храм – не стены каменные,
А люди верные и праведные».

И пошёл Вассиан по ближайшей округе
С просьбой к людям –
помочь построить храм.
И стали здесь чаще топорные стуки,
А потом и церковь возникла там.

Обращение Вассиана

*(к жителям соседних деревень
после излечения ребенка)*

«Что дивитесь, люди окрестные,
Этим якобы чудесам?
Я сподоблен творить дивы местные,
Потому что явился к вам,
Потому что меня здесь очистили
Лес великий, Устья-река,
Травы утренние росистые
И голубиные облака,
Потому что я, братья, верую:
Божий мир – для божеских дел,
Вот болезнь, правда, не смертную,
Я у чада – видите!? – одолел.
Бог мне дал собраться с силами
И прийти сюда, где стою.

Если праведник я, то Божьей милостью,
И за то, что вас люблю».

Однажды поздно вечером (лучи
Уже скрывались за соседним лесом)
Явился странник. Молвил: «Научи
Любить Создателя: в душе моей – завеса
Из низости и злобности людской,
Корю, виню себя, но не найду покой.
Прошу: сними с меня житейскую коросту».

Ответил Вассиан неведомому гостю:

«Как Богу послужить без боли и любви?
Ты должен пережить страданье.
Бог есть во всём, что ты ни назови.
Открой Его в себе. А ключ – к любви
призванье.

Любил ли ты свой дом, страдал ли за него,
Пытался ли спасти его от разрушенья?
Любил ли друга? женщину?
Всего
Лишался ли в одно мгновенье?

Предел своей души ты знаешь ли, мой брат?
Готов ли ты смирить в ней то, что может
Всё оправдать, высокое – поправить,
А, значит, и всю душу уничтожить?..

Я вижу, странник, по твоим слезам,
Что ты, живя, не обделён был болью.
Что ж, будем вместе строить келью, храм:
Из древа – топором, а из души – любовью».

Остался странник. Вскоре стали жить
Здесь многие. Они нашли отраду
В житье по Божьему закону. А закон души,

Он, оказалось, не всегда грешит;
И два закона здесь им разделять не надо...
Так стало расширяться иноческое стадо.

Братья землю пахали под рожь и под ярь,
Всякий овощ сажали на грядках
И косили траву у реки. Здесь и встарь,
Говорят, был подобный порядок.
А из леса бревна возили зимой
И строили многие кельи –
Для себя и для тех, кто ненастной порой
Без крыши встречал новоселье.
Всех увечных кормили тем, что смогли
Заготовить до осени строгой.
Но потом...
А потом дни иные пришли:
Вассиан собрался в дорогу.

Последнее слово Вассиана

«Оставляю вам, братья, недостроенный дом:
Бедный храм деревянный, наше скромное
дело.
Завещаю вам жить, не скорбя о былом,
И хранить то, что создано
(может быть, неумело).

Исцеляйте больных, милуйте сирот,
Одевайте нагих, питайте голодных,
И давайте бездомным странникам кров,
Свои души смиряя свободно.

Не ищите вы славы у смертных людей,
Не считайтесь скорбями – кто выше,
кто первый,
Вы служите Тому, кто всех первых первой,
И любите друг друга не лицемерно.

В мире много лихих сокрушителей стен,
Кто стремится всё время разбрасывать камни.
Нам же надо собрать братство душ, а затем
И настанет время нового храма.

Собирайте же камни: и каменный храм
Здесь появится, если вы сложите основание.
Он не будет подвластен пожарным огням
И многих утешит...
Вот моё завещание».

Сон Вассиана: явление Устыи

«Уходи, если время настало прощаться,
Ты, и правда, совсем уж старик.
Что ж, тебе суждено в ту часть неба подняться,
Где вечернее солнце горит.

Ты окажешься там – за рябовским лесом,
За курышинским полем, – там, где
Кто-то синим платком вытрет кровь из порезов
И повесит платок на звезде.

Но каким-то далёким безоблачным утром,
Видя крест колокольни и рожь,
По росе непокосной ты, верный мой спутник,
Как когда-то, к началу придёшь.

Ты поклонись здесь тишине и покою.
Крестным знаменем их осеня,
Ты в камнях не признаешь то, прежде родное,
Но сразу узнаешь – меня.

Ты пойдешь вниз, ко мне,
По пути узнавая
То, что раньше узнать не успел,
И заглянешь в лицо мне – лицо нашего края...
Здравствуй... отрок! Смотри – сколько дел».

2. Разорение

Храм Святой Троицы... Основан в 1492 году...
В 1548 году воздвигнут храм-башня
(ныне летняя церковь)...
(Из надписи на памятной доске)

*Ответ горожан полякам,
подступившим под Углич*

«Что вы грабите наши грады и веси?
Почто домогаетесь наших жён?
Зачем принуждаете к вашей вере,
Чтобы мы чтили не свой закон?

Или вера ваша – не прочней паутины
И не может без крови прожить?
Или жёны ваши – не слаще рябины?
Так их надобно – научить!

Или пашни ваши – не богаче болота?
Так в них надо навоз положить.
Или пахари ваши – не пашут до пота?
Так их надобно – проучить!

Вы сидите в седле, небось, без подпруги?
Вы шатаетесь по Руси, как дым.
Мы вашему королю Жигимонту – не слуги,
И веры вашей панежской – не хотим».

По весеннему снегу – чёрный монах.
Невозможно на это смотреть:
То в обитель летят горе и страх,
То движется чёрная весть.

Сам игумен встречает монаха-гонца,
А на том – нет лица, нет лица.

«Отец мой, я послан тебя остеречь,
Я из бедной Улеймы иду,

Там кругом уже польская речь...
Подожди: голова, как в чаду.
Дай попить, отдышаться... Сейчас, сейчас...
Боюсь начинать рассказ.

Разорили поляки многолюдный Углич,
Куда ни помотришь – огни и дымы,
Не осталось в городе прежних улиц –
От бежавших оттуда это узнали мы.
Единодушно и храбро защищали жители город,
Отбивали наскоки разбойных людей.
Угличане две битвы сражались упорно,
А в третьей – сребролюбцы были сильней.
Оказалось, на смерть не каждый готов:
Подкупили поляки наших стрельцов.

И не грянул на башне сполошный набат,
И Волга не прынула в страхе назад,
И солнце не скрылось в холодном дыму,
И ужас видений – был лишь одному,
И звёзды остались на прежних местах...
Неужто измену – уже не числят в грехах?!

Да, мы каялись в храме Успения
В крамоле своей, ослеплении,
Великом своём душегубстве,
Сердечном своем кривопутстве,
В хотении блага тленного
И спасения душ непременного,
Но, видать, зла в себе не увидели
Ни простой народ, ни правители.

Вот – не стало града, и люди исчезли с ним,
А кто спасся – бредёт по трущобам лесным.
Из церквей теперь виден лишь небосвод;
Кто в разрушенный храм молиться придёт?..
Псы да хладные гады живут в алтарях,
Иногда лишь заходят отряды бродяг,
Чтобы в кости играть на досках икон,
А хоругви срывать и срезать – для попон,

Пить мирское питьё из потиров...
Не настал ли уже конец мира?

А вчера до Улеймы дошла злая рать.
Приготовьтесь и вы, как и мы, умирать:
Все они на конях, скачут быстро,
И ведёт их, должно быть, Антихрист».

«Что ж, – игумен сказал, – надо с честью суметь
Смертью страдной за веру свою умереть:
Нет ни каменных стен здесь, ни доброго рва,
И оружия нет, лишь мечи, но их два;
А несломанный меч – всего лишь один,
Чтобы вербу срезать для плетенья корзин.

Нам теперь успеть бы проститься,
Исповедоваться да причаститься,
Да силы собрать в ожидании
Жизни лучшей. А страда – её оправдание.
Ныне участь желанная, братья, пришла,
Звоните скорее в колокола:
Пусть миряне, кто хочет быть с нами,
Собираются здесь, в этом храме.

А все деньги, что пахари дали на храм,
Чтоб они не достались жадным врагам,
Закопайте на месте условном.
Тот, кто выживет чудом и деньги найдёт,
Пусть на холм их тому принесёт,
Кто захочет построить всё снова».

(Лишь когда-то потом этот денежный след
Будет мальчиком найден на вспаханном поле.
Но пройдут сотни лет до того,
Сотни лет...
Где ж иные следы?
В нашей памяти, что-ли?..
Ну а мелкие деньги – жертвенный сбор –
Все исчезнут в трущобах советских контор).

А назавтра был солнечный день, и восток
Осветился весенним приветом.
Но от запада шел – будто новый потоп:
Стая туч ползла против света.
Это – толпы врагов, черней, чем грачи.
Как зарницы, сверкали в ней латы, мечи,
А над ними – хоругви убогие,
На хоругвях – кресты тонконогие.

И обрушилась стая на Троицкий холм,
Прошла все затворы, все входы местные.
Нет, не дождь весенний тогда прошёл,
Обернулась туча – страдою крестною.

Стали рыскать латинцы и русские вору,
Жаждая злата церковного да жемчугов.
То, что мало всего – это поняли скоро,
И свирепство напало на чужаков.

Разорили они кресты покоища Троицкого,
Подожгли кельи иноков и самый храм;
Всё, что многолетно и многотрудно строилось,
Захотели обратить в пустоту и хлам.
Добрались они и до вассиановой гробницы,
Рассекли её, ругаясь и смеясь,
А потом – такое не могло и присниться –
Мощи преподобного вывалили в грязь...

И никто не препятствовал этому злодейству.
Напал на окаянных – лишь деревенский пёс,
Лишь он оказал им противодействие,
Но смертельный укус ему меч нанёс.

И пёс, заплакав, как чадо, как заяц,
Пополз, часть себя на земле оставляя,
И крик его жалкий туда полетел,
Где не было крови и резаных тел...

А люди, которых рубили мечами,
На лютых врагов взирая,
Молчали,
И те, которых живыми – в землю,
Тоже были – как будто немые,
И тех, которых бросали в пламя,
Вьющееся вокруг того,
Что оставалось ещё каменным храмом,
Те – тоже не крикнули ничего.
И даже мальчишка какой-то упрямый,
Которого проткнули длинным копьем,
Не крикнул от боли хотя бы – «Мама!»,
А молча упал со вспоротым животом.

И деревья молчали, и даже Звениха,
Как будто от прочной запруды, затихла.

И лишь через день лес соседний заплакал,
А дым утончился и стал тонкостебельным знаком.
Потом даль закрылась взъерошенной птицей
небесной,
И серые крылья нависли над этим холмом
бессловесным.
Вдруг шорох раздался, и снег повалил тяжело...
И вместе со снегом всё бывшее в древнюю Устью
ушло.

Снег долго стекал, он пенился, словно мыло,
И душу реки эта пена холма – исказила.
В речных омутах непрозрачно стала вода,
А травы вдоль берега не колосились тогда.

О, Угличская земля!
Сколько бед ты претерпела,
Сколько разорений ты перенесла,
Сколько неповинной крови впитала,
Сколько скитальцев породила!

Где твои лучшие сыны?
Где твои прекрасные дочери?

Где твои святые церкви?
Где красота земли и града Углича?
Всё единым часом в пустыню обратилось.
Сколько лет прошло – и нет тебе воскресения.

Но и блаженна Угличская земля,
Ибо обагрилась кровью жителей своих.
Но и блаженны твои граждане,
Ибо за веру и землю свою погибли.

Дай, Боже, погибшим – вечный покой,
А живущим – мирное житьё и благоденствие,
Но также – светлое покаяние и утешение
сердечное.

На выбитом поле – зверобой да бастыльник.
По русскому полю бродят стада.
Как стало здесь бедно, сухо и пыльно.
Седые кобылки шуршат иногда.

От засухи листья травы побелели:
Дожди уже месяц не шли.
Как мало осталось людей поземельных,
В деревне – одни беспашенные бобыли.

Стада из поляков, бездомовников русских,
Воров, казаков – не во сне, наяву! –
Кочуют по полю, ржут и блеют стоустно
И выедают траву.

На выбитом поле – тусклые лица.
Песок завивается между стеблей.
Дайте дождя равнине великой,
И что-то – свершится в ней!

...Те беды из Руси пошли назад, когда
Вдурю встала над Москвой хвостатая звезда.

Отступление о русском снеге

*Создана Россия для
Неизвестных лет...
Да, Россия – и земля,
И простор, и свет,
И разливы по весне
Бесконечных рек...
Только всё, что есть в стране,
Покрывает снег.*

*Он летит косою пургой,
Заметая путь,
И приходится дугой
Здесь порой свернуть.*

*А когда пурга замрёт,
То тогда – странна –
Над равниною взойдёт
Тишина.*

*Где здесь куст, а где овраг?
Всё занесено.
Здесь от снежного ковра
Всё и всем равно.*

*Охладить здесь может он
Всё, что на земле.
Крепок долгий зимний сон
О большом тепле.*

*А нежданною весной,
До травы-листвы,
Снег затопит нас водой
Выше головы.*

*После, как сойдёт вода
Из лугов-полей,
Вдруг пожалует сюда
Ветер-суховей.*

*Будет рожь – как рыжий мех,
И трава – как ржа;
Дом, который выше всех,
Будет жечь пожар.*

*Но когда иссохнет пот
И утихнет боль,
Нам Россия поднесёт
Снова снега соль.*

*В наступившем полудне,
Где белым-бело,
Будет падать ровный снег,
Будет тихо, как во сне,
И почти светло.*

3. Отпор

Храм Святой Троицы... Основан в 1492 году...
В 1929 г. храм спасён Троицкими женщинами
от закрытия.

(Из надписи на памятной доске)

Против холода есть теплицы,
Против бедности почвы – навоз,
Против засухи – просто поливы
(Но – водой, а не вёдрами слёз).

Против зависти горе-соседа
Есть и щедрость, и добрый смех,
И пример, как не сделаться бедным,
Одаривая всех.

Против туч разрушительной страсти
Ясность разума людям дана.
Ну, а против давления власти
Существует в нас – глубина.

Попа давно послали на рытьё
Северо-западного канала.
Земная власть, хватая не своё,
Всё больше воли получала.
Закрыта церковь, на ступенях лёд.
И время к неизбежному идёт.

Евдокия молвила: «Бабы!
Отберут нашу церковь, коль мы
Не сумеем денег собрать – хотя бы,
Чтоб налог заплатить до зимы».
«Много ль надо?» – спросил кто-то.
«Много, бабы. Ну, так что ж,
Давайте займёмся общей работой,
Чтоб пресечь нашей церкви грабёж.
Вы несите ко мне, кто сможет,
Семя льняное, зерно или лён,
И верных людей просите о том же,
Но всё делайте осторожно:
У комбедовских – знаете! – свой закон.
Днём ко мне не заходите,
Только в тёмное время несите свой дар.
Двор будет открыт, и вы не стучите,
В сарай на сани складывайте товар.
А ты, Анна, иди во Владышню,
Ты, Катерина, давай в Слободу,
К кому – сами знаете: будет не лишним
То, что они для церкви дадут».

Неделя прошла и другая.
Снег выпал. На Устье давно уже лёд.
На три подводы товара набралось в сарае.
Пожалуй, лучшее принёс окрестный народ.

А на праздник Николы, днём коротким и серым,
Всё собранное женщины продавать повезли
На большой базар – в Заозерье.
Богородица да Никола им помогли

Удачно продать.
И вот – староста в сельсовете
Заплатил церковной общины долги...
Ещё тёплые дни были так далеки,
Но солнце уже повернуло на лето.

А потом вернулся отец Тимофей
(На второй или третий год).
Он решился служить в церкви своей,
И однажды собрал народ.

Но семья Тимофея повисла на нём:
«Не дадим служить, отступись,
А то и нас, как тебя, потом
Уведут на канал, а не в жизнь!»

«С нами Бог! – сказал тогда Тимофей, –
Он всё видит и нас защитит,
Вот, смотрите: у этих открытых дверей
Весь приход наш сегодня стоит.

Удостоен я быть при вас – при тех,
Кому вчера не помог.
Я в ответе за всех деревенских – за всех,
У кого надежда – лишь Бог.

Так войдём же в наш старый храм,
Может быть, не спасёт он от бед,
Но любовь и надежду оставит нам,
А утешит нас – вечный свет».

Вот тогда-то служба первая началась...
И ослабла земная власть.

Кто сказал, что нельзя дать отпора
Наводнению, ветру, огню,
Самодуру, разбойнику, вору,
Сабле острой, ножу, кистеню?

Всё возможно! Надо лишь видеть
Силы этой стихийной предел,
И, сделав такое открытье,
Не бегать от жертвенных дел.

Всё возможно. Только лишь надо
На другую надеяться жизнь,
Пусть надежда – слабее лампы,
Но её – отчаяньем – не тушить.

Всё возможно. Надо лишь верить
В невозможное – в те дела,
От которых смиряются звери,
А зима станет царством тепла.

Надо верить, что души благие
Всех бездушных стихий сильней...
И родится тогда – Евдокия,
И придёт к нам тогда – Тимофей.

Отступление о сеятеле

*Когда необходимость подоспеет
Народу перейти свой Рубикон,
То вóвремя среди толпы созреет
Свой местный Цезарь, свой Наполеон.*

*Когда приходит время делать дело,
Готовить почву, утверждать закон,
Всегда найдётся человек умелый –
Микула-пахарь и мудрец Солон.*

*Ну а когда идёт иное время,
И поле вспахано, но жить запрещено,
Найдётся и тогда озимой жизни семя
И сеятель, бросающий зерно.*

4. Церковь

Храм Святой Троицы...
В 1784–1787 г. сооружена
зимняя церковь и колокольня...
Охраняется государством.
(Из надписи на памятной доске)

На холме между Устьей
И Звенихой-рекой
Ныне хоть и не пусто,
Но великий покой.

Из сирени погоста
Колокольня и храм
Два креста светоносных
Здесь несут к небесам.

На пороге горбатом
Прорастает трава.
Всё, что было когда-то,
Люди помнят едва.

А про то, что здесь будет,
Угадать не дано...
Церковь – памятник людям
Или в небо окно?

Это – помощь нам, грешным,
Сделать к Господу шаг,
Или местности здешней
Так застыла душа?

ДРУГ

1. Охота

Мы жили в Питере и встретились в Лесном,
В том институте, что в старинном парке
Белеет парусом широким. Нам весло
Тогда не нужно было, – нас несло
Туда, где необычное сверкало ярко.
Хотелось бы сейчас нестись на прежний свет,
Но паруса того во мне уж нет.
Те годы – не сказать, чтоб святы...
А был – конец пятидесятих.

Привычное уже приелось нам.
Все мы немножко бунтовали,
И песни Киплинга мешали
С блатным фольклором пополам.
Не рубль, не доллар, а “Долляр”
(Портвейн не слишком утончённый,
По правде, очень уж креплённый,
Зато дешёвый) – утолял
В нас жажду жизни неизвестной,
Как лес, охота;
Пир совместный
Растущих душ – вот идеал...
Но что-то в нас ещё бродило
И соблазняло, будто грех.
Возможно, это – справедливость
Для всех.

Корыстной и идейной цели
Мы, слава Богу, не имели,
А верить, думаю, могли
В такой закон Земли:
Когда глухарь начертит письмена
Своим крылом на снеге сахаристом,
Тогда придут иные времена,
И будет таять снега пелена,
И всё изменится – естественно и быстро.

—
...Где дружбы нашей был источник?
Увы, не рассмотреть сейчас.
Что в первый год сближало нас,
Мы и тогда не знали точно.
Но вольно думать обо всём
Могли, пожалуй, лишь вдвоём.

Я другу помогал слегка в учёбе,
А он меня к охоте прирастил.
Но в русский лес стремились оба,
Он нас, наверно, и сдружил.

Друг добрым был, хотя горячим.
Когда излишне выпивал,
Он то обиду считал,
Что для других – не много значит,
И становился, как незрячий.
Лишь мне, быть может, удавалось
Смирять его неистовую ярость...

Любил он в гордости невольной
Стихами веселить ребят.
Стихи, конечно, говорят
О нашей жизни полушкольной.
Мне излагать их не с руки,
Вам предлагаю лишь куски:

*«...Вот я, смотри, скелет совсем,
По десять дней жратвы не ем,
Спина уж к брюху приросла,
Как у столетнего осла...».*

*«...У нас же, видишь ли, финанс
Даёт на брюхо резонанс...».*

*«...Пузатый, мелкий вы народ,
Что ни студент, то идиот:
По роже съездишь одному,
Глядишь, уж дали самому».*

*«...С лица внезапно побледнев,
Вскочил спросонья бедный лев...».*

*«Люба – тонкая натура,
Влюблена в литературу:
Только тот ей люб мальчишка,
У которого сберкнижка».*

По бедности студенческих карманов
И тесноте своих квартир,
Мы без собак, одним обманом
Пытались раскусить тот мир,
Где на берёзах косачи чернели,
Следили зайцы на снегу...
Мы – что случиться – знать хотели
Не на веку,
А на току.
Как жизнь в квартирах небогатых,
Охота скромною была,
В ней вместо гончих и легавых –
Манки, засады, чучела.

В недалёком Лисине среди лихих проказ
На тягу вальдшнепов ходили мы не раз –
Без выстрелов и без ущерба
Для нашей практики учебной.
Зимой, в каникулы, мы по худому следу
Бродили часто, не стреляя, до обеда.
Потом, в избе знакомой греясь,
Бесед открытых мы ценили прелесть.

А что касается добычи
Пера и пуха, тут как раз
Число и вес сражённых птичек
Хотя и занимало нас,
Главнее было – *поиск* дичи.
(Однако голос наших тел
Так часто про жаркое пеп!

К тому же без ружья по молодости лет
Ходить по лесу скучно, сонно.
В лесу нельзя быть просто посторонним:
Он не раскроет свой секрет).

Пальба ружейная согрела
Часы охотничьи мои.
Был запах пороха острее
Зажатой в кулаке хвои...
Да, кровь – была. Теперь о том жалею.
Но и жалею тех, кто в юные года,
От воздуха и пороха шалея,
Азарта не испытывал тогда.
С тех пор душа моя созрела:
Я понял, что чужим свободным телом
Владеть нельзя,
Тем более – душой,
Хоть птичьей, хоть звериной, хоть иной.

Вот мы из города уходим
Туда, где край пустых полей,
На бескорыстную охоту
За впечатлениями дней,
Туда, где что-то происходит,
В лесную глушь,
К сердцам друзей.

Там выслушать готов собрат
Твоё особенное мнение,
Там мира прежнее движенье
Вдруг изменяется стократ,
Там всё меняется совсем,
И ты становишься не тем,
Кем жаждал бы тебя увидеть
Любого уровня правитель,
А тем, кем видят в эти дни
Тебя товарищи твои...

Иных уж нет... К ним прикоснуться
Лишь словом можно, а рукой – нельзя.
И всё же в прошлое вернуться,
Пожить сегодня прежним чувством
Уж очень хочется, друзья.

Ну а сейчас я опишу
Тетеревиный ток.
Идём
Мы до рассвета – к шалашу.
Апрель. И вот вдвоём –
Пришли. Забрались. Ждём.

Как тихо и темно. Озноб.
Бекас лишь одинокий блеет.
Почти растаявший сугроб
Едва белеет.

Опять затихло всё.
Но – звук
Издалека: “Чуф-ф-ш-и-и!”
Потом,
Над головою – вдруг,
Как будто близкий гром,
Затем – вокруг, кругом,
Как чистое бельё
На штормовом ветру...
То – косачей прилёт
На главную игру.

И – песня полилась
Со всех сторон, как будто
Ручьёв весенних страсть,
Бурля, тебя окутала.

Рассвет. И, чуть дыша,
Ты смотришь (иностранец!)
Сквозь ветки шалаша
На птичий бой и танец.

Комендант открывал общежитие,
Принимал за ночёвку взнос.
Был уж вечер.
Для чае- и винопития
Мы выкладывали – кто что привёз.

Говорили про всё без стеснения:
О студенческих, позже – рабочих делах,
Об охоте, сердечных своих увлечениях,
Иногда – и в стихах.

Были долгие разговоры
О жизни, похожей на круг,
И всегда, конечно, о лесе,
О лесе, который –
Наш общий свободный друг.

Песен русских пели немало мы.
Пели то, что на душу легло:
*«Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село...».*
Эти песни прошлого нашего
Сердцу были – то уголь, то снег...
*«Как у нас, голова бесшабашная,
Застрелился чужой человек...»*

Петь, молчать, говорить или слушать нам
Было просто, сладко, легко.
Все дела и заботы бездушные
Отлетали от нас далеко...

А утром мы – в лесу. Там в белых кружевах
Немой стеной дремал подлесок,
И полусвет, как в черно-белых снах,
Был бестенистен и не резок.

Кругом был снег, и он – везде, на всём –
Был чист, как облаков первоначальных стадо.

Ясна мысль: когда в лесу живём,
То жизнь сама – и есть её награда.

Ещё хвоя и сучья не покрыли
Поверхность снега – гладь его чиста,
Ещё не видно человеческой пыли,
Жизнь будто началась здесь с чистого листа.
И как легко найти, бродя по лесу,
Начальной жизни первые дела:
Здесь – белка пряткая на ель залезла,
Здесь – заяц ел кору, полёвка проползла,
Здесь – пробежала резвая куница,
Здесь – рябчик ночевал в снегу
(Казалось, лунка – тёплая, она ещё дымится,
Как сено мокрое в стогу).

Потом в лесу мы ёлку наряжали,
Чтоб посмотреть, что с ней произойдёт
Когда-нибудь, обычно – через год.
Часы бежали...

Мы нехотя, но возвращались, чтобы
Успеть на нужный (нужный ли?) автобус.
Автобус ехал мимо церкви. В ней
Слова на стенах – клички лошадей...

Друг однажды сказал: «Поедем
К деду с бабкой в деревню. Там –
Лес, река, дом крестьянский, всё это
С детства милые мне места».

...По булыжной дороге Ростовской,
Что вилась вдоль старых берёз,
Дряхлый, тесный, весёлый автобус
До Ильинского нас довёз.

И по лесу в сторону Устьи
С рюкзаками и ружьями за спиной

Мы пошли по тропе не узкой.
Хрупкий лёд трещал под ногой.

Воздух был, как будто в начале
Послегрозя – прохладен и нов.
Мы шли, конечно, не замечая
Вассиановых древних следов.

Мы не знали, что к Устью когда-то
Пробирался этим путём
Некий инок – и также крылато
Билось сердце ждущее в нём?!
Наша память была чиста...
Тот чернец был нам не чета.

Ручьи в движении лавинном,
Как на току тетеревином,
Не умолкали ни на миг,
Пока их птичий голос тихий
Не заглушил реки Звенихи
Звериный непрерывный рык.

Но вот – видна опушка леса,
И перед взглядом нет завесы.
По косогору – на простор
Выходим. Троицкое, церковь.
Но нас ведут иные цели.
Идём быстрее, чем до сих пор.

Стремимся дальше мы,
Туда,
Где избы за рекой толпятся,
Где, если от моста подняться,
Нас ждёт деревня Слобода –
Конец пути. Свобода?
Да!

И были будни, точно праздник...
Егору слепнувшему я
Читал библейские рассказы
(Что после Книги Бытия).
А баба Анна угощала
Нас преснецами с творогом.
Мы по хозяйству помогали:
Дрова кололи колуном,
Носили воду,
Со двора
Навоз на огород носили...
Но мы, конечно, лесом жили.
Нам и теперь туда пора...

Апрельских полян старотравье
Покрыто было водой.
Я вспомнил! Всё новое, здравствуй!
Мир здешний – не новый, а – мой!

Здесь солнце и сверху, и снизу,
На небе и у сапог.
Жизнь вольная – солнца брызги –
И там, высоко, и – у ног.

Здесь кажется: жизнь – без предела.
Но воды – к пределу спешат,
И вылететь хочет из тела
Туда же – к пределу – душа.

Всё, что раскинулось вокруг,
Показывал мне щедро друг,
Как дом свой.
Мы сначала
К реке спустились,
А потом,
Облазили весь этот дом –
От крыши до подвала.

Боры ближайшие (до Клина)
Сравню, наверное, с крыльцом.
Через него мы входим в дом –
В приустьичную половину.

А если путь у нас намечен
В другую сторону,
Войдём
В уютный Осек. Здесь, как печка,
Сосновый бор обдаст теплом.

Потом – Точищи, где над нами
В берёзах свет такой, что он
Не мог быть солнцем сотворён.
Стоим, как перед образáми.

За Дубняками – царство гор,
И высоту здесь не опишешь.
Царим, как в первый раз на крыше,
В груди – восторг.

А там, где Каблуково поле, –
Глубокий, весь в лесу, овраг.
Нет, не могу его никак
Сравнить с подвалом и подпольем.

Здесь, на границе с полем плоским,
Мы видим, как почти у ног,
Два рябчика – веерохвостны –
Бегут, услышав наш манок.

Внизу – тенисто и чуть влажно,
Прохладно даже жарким днём.
И если рухнет мир однажды,
Мы здесь его переживём.

Как неприступны эти стены!
Они – защита от людей
Богатства листьев и стеблей,

Следов непуганых зверей
И птиц в коронах драгоценных.

На дне оврага вечно льётся
Живоначальная вода.
Кто был здесь, тот сюда вернётся,
Хоть мысленно,
Хоть иногда.

...Друг изменился за неделю,
Показывая мне свой дом.
Его глаза теперь блестели.
И я был счастлив в доме том.

Белолицый день угасает,
Из цвета уходят силы.
Длинная тень косая
Почти остановилась.

Скоро мы будем на тяге:
Идём в Пустошку, к реке.
Слышно, как лают собаки
В деревне, невдалеке...

Дошли. Под ольхою вдвоём
Встали; притихли и ждём...

Посланец сумеречного мира
Летит почти неслышно,
Почти незримо.
Как неожидан тихий хриплый хорк его,
Он возникает – из ничего;
Хотя сама лесная эта птица
Из прошлогоднего листа, наверное,
родится.

Уже дрозды все отошли ко сну,
Лишь он сгущает тень и тишину.
Он подлетел и улетает дальше,

Он сам – и тишь, и тьма,
Последний вальдшнеп.
Ну что ж, пора и нам с тобой...
Тропу теряя, мы идём домой.

Тратить слов мы стали всё меньше:
Мы без них говорили друг с другом –
Улыбкой, глазами, движением...
Это вовсе не трудно.

Мы друг с другом нашли понимание,
Понимание мира нашли.
Голос неба – простое молчание –
Долетел до нас –
От земли.

Отступление о любительской охоте и других труднообъяснимых поступках

Что есть глупей охоты? –
Писание стихов?
Игра в футбол до пота
(Без денежных призов)?
Конечно! Глупо также
Держать котов, собак,
Не как ночную стражу,
Не к выгодной продаже,
А, в общем – просто так.
Не мудро лезть куда-то,
Где раньше не бывал,
Работать без зарплаты,
Смирять девятый вал,
Любить, не зная, кто же
Тебя так опьянил
(Что выяснится позже,
На склоне дней и сил).
А много ль толку в дружбе?
Вот если друг богат,
Тогда, наверно, нужно
Быть верным другом, брат.
Жить беззаботно, смело,
Когда пуста сума,
И это тоже дело
Несильного ума.
Но не умней и вера
В Того, кто создал всех.
Коль есть Он, верю: первым
Он и придумал смех.
Мы все, возможно, брызги
Тех шуточек Его.
Что есть смешнее жизни?!
Живём же... ничего.

Но есть в летучих чарах
Игрушечных затей
Божественный подарок.
Для выросших детей.

2. Дорога на Губино

Через несколько лет мы собрались
Отпуск свой провести в Слободе.
Мы встретились на Московском вокзале,
Друга мать и родственники провожали.
Никто не думал о близкой беде.

В этот раз мы собрались рано.
Был апрель
И в нас – счастливый такой непокой.
Ах, какие мы строили планы,
Сколько времени было у нас той весной!

...Среди других стояла там на перроне
Его двоюродная сестра.
Но я слишком быстро очутился в вагоне...
Значит, было ещё не пора.

Мы в Ильинском расстались. Как же
Близка к нам была Слобода!
Я поехал туда на подводе с поклажей,
А он, как оказалось, – ушёл навсегда.

По дороге в далёкое Губино
Среди голых красных ветвей
Была жизнь друга зачем-то погублена...
Говорят, крики слышались: «Эй!.. Эй!..»
Ещё в рост не тронулся лист,
Даже ива ещё не цвела.
Было сыро. Но воздух был чист
И река неподвижно бела.

...А его в Слободе ожидали.
День, другой – никаких известий.
Снег вокруг всё таял и таял,
Мы с Марией думали да гадали:
Если он – туда, то – тогда... Если... если...

Ожидание вестей чёрных и серых,
Слухи, которые оправдались...
А потом – поездка на тракторе в Заозерье,
Тело, которое нам с Григорием передали.
И до Углича ночью тёплой, но зябкой,
Был длинный путь...
Тело друга дрожало от дорожной тряски.
...Надо было бы чем-то ещё обернуть...

Лес мой вечно милый,
Мы теперь одни.
Мимо друга, мимо
Утекают дни...

Продолжалась знобкая
Русская весна.
Наша речка робкая
Стала вдруг – полна.

Ночью, будто крадучись,
Выпрямилась во весь рост.
Три дня что-то праздновала
И свалила мост.

В чём смысл такой короткой жизни?
Зачем намеченный полёт
Был остановлен, а не снижен
(Как с многими произойдёт)?
Зачем двух жизней перекрестье
Понадобилось небесам?
Зачем мы оказались вместе?
Чтоб разойтись по сторонам?

Наверное, был кто-то должен
Другого направлять... Куда?
Его – не знаю, но возможно,
Меня – в деревню Слобода?

Чтоб мне вдруг не проехать мимо
Избы на Устье, чтоб успеть
Увидеть женский фотоснимок,
Пока к тебе несётся смерть?
Чтоб ты помог узнать мне больше
Того, что я один бы смог:
Охоты дрожь, льняное поле,
Апрель весёлый без дорог?
Чтоб вся любовь к лесам и весям
Соединилась со стихом,
Чтоб шли они всё время вместе –
До этой смерти
И потом?
Чтоб я своим сердечным стуком
(Не знаю – для кого) донёс,
Что мир не стоит жизни друга,
Весь мир не стоит жизни друга
И женских безнадёжных слёз?

Не знаю... Что теперь гадать?
Нас русская земля соединит опять.

Отступление о певце

(вольный перевод из Гете Л. Трусова)

*«Скажи мне, чьё пение там у ворот
С моста надо рвом прозвучало?
Скорей же иди. Для забавы господ
Певца пригласи в наши залы» –
Слуге своенравно промолвил король. –*

*«Да, кстати, просить ты его соизволь,
Чтоб спел эту песню с начала».*

*«Приветствую вас, благородных господ,
И вас, о прекрасные дамы!
Какой пред собою я зрю небосвод,
Какими усыпан звездами,
Какая здесь роскошь, величье и свет!
Но... очи, закройте: времени нет
Ласкать эту роскошь глазами».*

*Свой взор опустил седовласый певец,
Ударил в струну звуковую.
И дамы и воины с биеньем сердец
Прослушали песню простую.
Король был доволен; за этот напев,
К себе старику подойти повелев,
Он цепь протянул золотую.*

*«Не надо дарить мне богатых даров:
Цепочку получит пусть воин,
Который копьем поражает врагов,
А я же её недостоин;
Иль канцлеру дайте за верность его,
Хоть много подарков златых у него,
Но будет и этим доволен.*

*Я вольные песни задаром пою,
Как птица поёт над землёю.
Лишь звуки, что в сердце своём создаю,
Наградой мне служат большою.
Но если позволишь, просил бы о том,
Чтоб дали мне кубок с янтарным вином,
С блестящей, как золото, струёю».*

*К устам своим звонкий поднёс он бокал
С напитком – о... полным услады!
«Я счастья бы этому дому желал,
Где кубок – частица награды.
И коль повезёт вам не только в вине,
Я скромно прошу вспоминать обо мне.
А большего мне и не надо».*

Часть третья

МЕСТНОСТЬ

РЕКА

Начало Устьи – ближе к Заозерью.
Я не был там, а потому другим поверю,
Что начинается она в болоте топяном,
Как водится, невидным ручейком.
Потом бежит она по вязкой пойме,
Вернее, не бежит – идёт, ползёт:
А что ей
Бежать? Куда, зачем? И знает ли она,
Что впереди грядёт большая глубина?
Но если бы она и знала:
Рекою двигает не устье, а начало.

Вёрст впереди у речки много.
Её течение ещё до Слободы
Пересекает в Губино дорога
(Здесь раньше были лёвины следы),
А дальше по течению – там наши
Уже знакомые края, потом,
Пройдя тот берег, где Егора дом,
Река течёт туда, где больше пашен
И деревень, и сёл –
За Троицкое (куда когда-то Вассиан пришёл)...

Потом деревни отступают
От низких берегов реки.
Она всё ширится, ещё не зная,
Что волны Вёксы родственной близки.
И вот близ города Ростова
Река (от места «Три воды»)
Течёт уже как часть иного
Потока, и её следы
Скрывает Волга...

Да, были времена, когда и мы ловили
Здесь всех и всё, что и без нас растёт.
Но ловим и теперь, хотя почти забыли,
Как добывали белку, находили мёд.

Зато готовы мы идти за урожаем
Грибов и ягод, лес не свой рубить,
В реке ничейной рыбу половить,
Везде – не сея, не сажая,
Как будто жить нам года два,
Как будто мы – плотва.

Мост через Устье – деревянный.
Когда построен?.. Как сказать? –
Он строится всё время, непрерывно,
И разрушается опять.

Кто разрушает? Нет, не время,
Не происки зловредных чужаков.
Нет, это – люди из деревни:
Водители безумных тракторов,
Грузовиков и... любопытные: их силы
Воистину безбрежны, а мечта –
Узнать, как крепко держатся перила
И как сквозь доски бедного настила
Войти во внутренности этого моста,
Проверить все проёмы и разъёмы,
Там что-то расшатать и выбросить долой,
Что поддаётся – превратить в обломки,
Тем насладиться и пойти домой,
Попутно посмотрев ещё, как будет биться
в речке
Среди травы доска с колесно-тракторной
насечкой.

А вот что говорит сама река –
Негромко, ненапористо (пока):

«Я – лицо твоё, край мой росистый,
Посмотри на меня, – на себя:
Если ты здоровый и чистый,
Значит, буду такой и я.

Не грязните ручьи да колодцы,
И низины лесов и полей.
Я хочу быть чистой, холодной,
Чтобы радовать ваших детей.

Если цвет у ручьев, как вощины,
То в меня будут травы лезть.
Травы водные – это морщины,
Это старость моя и болезнь.

Не бросайте в воду осколков
Грязных дел, доходящих до дна.
Как добавить прозрачности Волге,
Если Устья будет мутна?

Не смертельны мои болезни,
Но и нет былой чистоты.
Не заводов – навоза железо
Ржавеет в толще воды.

Край мой милый, как жизнь обернётся?
Не хочу быть, как старый ров.
За лечение никто не берётся,
Нет ещё для меня докторов».

Ты весной полней – от снегов, не дождей,
А снега – с берегов долины твоей.
Пусть снега твои воды промоют,
И разлив, словно взрыв, из тебя унесёт
Весь тот сор, что скопился за лето, за год,
Но не стал ещё, Устья, тобою.

То, что здесь с берегов доставалось волнам,
Часто было чужим и самим берегам,
И тебя склоняло к измене.
Да и ты слишком вяло работала, зная,
Коль теперь тебя, Устья, почти не узнать.
Ты сама зарастаешь от лени.

Вот и пусть этот мальчик – весенний разлив,
Твои старые воды другими промыв,
Вместе с грязью наносной умчится,
Вкус же древней воды – сохранится.

Твой путь известен в этом мире –
К реке большой,
Где ты окажешься и шире,
И чуть иной.
Твоя извечная дорога –
Прочь от оков:
Всё дальше, дальше от истока
И берегов,
Туда, где воля безгранична,
Где Русь – вдали,
Где воздух станет другом личным
Взамен земли,
Где нет препятствий для течения,
Везде – вода...
Течь вниз – реки предназначенье,
Потом – куда?
И от избытка воли слёзной
Ты будешь грызть
Землёй навязанное лоно,
Ты станешь горькой и солёной,
Как чья-то жизнь.
А если вдруг ты обернёшься
И вверх пойдёшь,
К истоку, может быть, вернёшься,
Но лишь – как дождь.

УРОЖАЙ

1. Здешний климат

Местность наша такая холмистая,
Словно мускулы у борца.
Кровь её – это воды струистые,
Родники же – её сердца.

Ну а нервы – дороги небыстрые
И висячие провода.
Приближают они неблизкие
И селения, и города.

У земли здесь дыхание обычное,
Дышит пашней она да листвою.
И заботы её – привычные,
Как в деревне над Устьей-рекой.

А глаза – как цветки цикория,
А душа легка, как пыльца.
Улетела она до моря бы,
Да всё ждёт (от кого?) письмеца.

Суров ли климат в устьинных местах?
С Россией прочей здесь заметно сходство:
Зима длинна, как русская езда,
Ещё длиннее – прошлые уродства;
Зато здесь ночь бывает коротка,
И для страды здесь времени довольно –
Паши да сей, да собирай, пока
В руках есть сила и в груди не больно.

Описывая климат здешний,
Ты не пропустишь лес, как глаз ни закрывай.
В нём дуб растёт, и в нём даёт орешник
Раз в десять лет обильный урожай.
Хоть у природы здесь не бедный вид
(Она о том плодами говорит),
Но всё же, в климате – какая ж это новость? –

Легко заметить лишнюю суровость.
Она несёт движению души
Приказы: то – «Спеши!», то – «Не спеши!»
Как угадать: безвременный мороз
Убьёт ли на полях горох, овёс?
А там, где семена легли густой строкою,
Не выпреет ли рожь озимая зимою?
А тёплой осенью – каков размер потерь,
Когда ест всходы травожадный червь?
А в лето красное, дождливою порой
Не зарастёт ли рожь метлистою травой?
Вдруг пропадёт зерно, как непутёвый сын,
Как вспыхнувший от молнии овин?

Ещё ненастья были посерьёзней,
Когда единоличник ли, колхозник
Подумывал пожить своею головой, –
Какой тогда здесь раздавался вой!?
Да, злее те погодные напасти,
Которые идут не от небесной власти,
А от владетелей пицалей и казны
Уезда, города, страны.

Мороз не зимний – бич полей и грядок,
А бич души – той жизни распорядок,
Когда не верит опытный крестьянин,
Что он – земли своей хозяин.

Отступление о русском климате

*То – лихие дожди, то – ветра,
То безводье и солнце слепое,
Тёмно-красные вечера
После дня бесполезного боя.*

*Как успеть вызреть плодам
В этом климате окаянном?!
Здесь всегда было сытно не нам,
А высоким, как пальмы, бурьянам.*

*Здесь колеблется климат души
От неласковых туч над нами.
Может, собственный хвост распушить
И зарыться в него с ушами?*

*Непогоды чужой – не признать,
Не вникать в верховые порядки,
Климат собственный создавать
На своих плодородных грядках.*

2. Поля

Под ветром чуть колеблясь,
Цветут равнины льна.
Зачем спустилась с неба
Его голубизна?

Неужто чудо это
Затем нам суждено,
Чтоб только быть одетым
В льняное волокно?

Неужто труд на поле
Не может больше дать:
Не семя льна всего лишь,
А – жизнь,
Где в равной доле
Краса и благодать?

Я помню поля со льном...
Видать, это было давно.
И что-то стал малозаметен ячмень,
Всё больше картошки вокруг деревень.

Поля красивы, будто цветник,
Но я к сорнякам ещё не привык.
От этого – грустно, ненастно,
Будто получена весть,

Что где-то случилось несчастье.
Да это – оно и есть.

Пока мы не полюбим это поле,
И этот лес, и эти облака,
Мы будем жить по-прежнему в неволе,
А жизнь иная будет далека.

Пока поля – для цветников и свалок,
Для радости упорных сорняков,
То значит: в душах мусора немало,
Посеять доброе там будет нелегко.

Когда мы Устью старую уважим
И выловим ненужное гнильё,
Тогда очистим и природу нашу,
И сердце неопрятное своё.

Под полог леса, как врагу,
Трудней пробиться сорняку,
Чем на пустую сечу.
Так вот и нам пора опять
Своим соседям помогать,
Не говоря, что – нечем.

Кто нам поможет, если мы –
Уже не узники тюрьмы –
Не соберём здесь силы
Всё делать, как Иван, Егор
И все, кто здесь с давнишних пор
Трудолюбиво жили?

Кто здесь поможет обрести
Нам единение в пути
(Пророков-то не видно)?
Конечно – реки и поля,
Вся наша общая земля,
И – за себя обида.

Коль будет интерес кому пахать и сеять,
Тогда, быть может, славно заживём.
Но надо дать, кто хочет – жить со всеми,
Кто хочет – *каждый при своём.*

Тебя вскормило поле, русский город,
И у тебя немало сыновей,
Вернее, внуков, правнуков,
Которых
Вновь тянет жить на супесях полей.

Они готовы к полю, но не знают,
Когда заборы старые снесут.
Они – как уток перелётных стая,
Увидевшая озеро внизу:

Какие заросли, какое мелководье,
Какой просторный и богатый вид!
Но – хищных птиц вокруг ещё довольно,
Да и ружейный ствол из тростников торчит.

У дороги – цикорий.
Что о травке сказать?
Да, полезен в нём корень,
Но прекрасны – глаза.

Эта неба частица,
Ясность Божеских глаз –
Надо ж чуду случиться! –
Оказалась у нас.

Значит, всё же мы чем-то
Приглянулись Тому,
Кто нам дал эту землю,
Ну а мы что – Ему?..

Он не просит оплаты
За старанья свои,
Лишь ответного взгляда
Ждёт от поля и сада –
От цветущей земли.

Когда весной потянет от земли
Тем запахом, что зелени душистей,
Тогда понятно каждому: пришли
Дела для настоящей жизни.

Когда затихнет вод весенних звук,
И тёплых дней становится всё больше,
Кому-то золотой – из чудной сказки – плуг
Достанется,
И пахарь выйдет в поле.

Он плугом тем преобразит наш край:
С землёю разговаривать умея,
Он соберёт обильный урожай,
Но поле, вспаханное им, не обеднеет.

А люди, вспомнив старую мечту,
Почувствуют в руках живое тело плуга,
И дел крестьянских мощь и красоту
Увидят друг у друга.

Отступление о сельской хозяйке

*Топи же печь, не глядя на погоду,
И создавай свой непохожий хлеб,
Пирог с начинкой собственной породы
И сочно-пышный солнечный омлет.*

*Пуускай часы идут и не присядут:
Тепло в избе, до смерти далеко,
Ребёнок спит, и не остынет за день
В печи твоей густое молоко.*

НА ГОРЕ

Я стою над равниной пятнистой
На высоком холме меж полей.
Как же в мире просторно и чисто!
Как немного в том мире людей!

Под ногой нет запёкшейся глины,
Здесь земля, словно детство, легка.
Я смотрю на пустые равнины
И туда, где за ними река.

Всё леса да поля без народа –
Будто мы сюда не дошли.
Как возможна здесь несвобода,
Если столько свободной земли?!

Колокольни вдали – точно звёзды,
Млечный путь – дома деревень.
Вся земля сверху кажется пёстрой:
Там от каждого облака тень.

Как безмерно вокруг пространство,
Где я был и где не бывал!
Вижу – дом: там скромно убранство,
Дальше – дым: там горела Москва.

Вот Ростов, церквями полный
(Слышен колокол чудный – «Сысѡй»)
Здесь бывали княгиня Ольга
И сам князь Владимир Святой.

А поближе ко мне – Устьи берег
И обитель: «Борис и Глеб»;
Для неё место выбрал Сергей
Там, где раньше теснился лес.

Говорят, что здесь недалёко
Жил когда-то силач Святогор...

Эх, какой же тут воздух лёгкий
И почти средиземный простор!

Надо мной глаза небосвода
Всё синей от бровей облаков...
Как возможна вокруг несвобода,
Если видится так далеко?!

Не смущаясь близостью неба
К деревенской дороге в грязи,
Говорю: этот воздух целебный
Может каждого – преобразить.

Кто бы стал сейчас сомневаться
В том, что мир человека высок,
Если б мог до вершины подняться?..
Мне вдруг кажется, что я смог.

И поэтому я беззаботно
Свой последний вопрос задаю:
Как возможна вокруг несвобода,
Если я здесь – свободный – стою?!

Я свободен?
Или беспечен
Из-за близости к облакам?..
Но пора уж к деревне у речки:
Все ответы, наверное, там.

НАГРАДА

Я спускаюсь с горы к нашей Устье.
Час-другой – я уже в Слободе.
Что сказать при прощании грустном
Всем, живущим при этой воде?

Здесь привольно для сердца, для дружбы,
Но вопросы про жизнь – велики:
Нам река – нужна?

Земля нужна?
Что нам нужно?
А мы-то нужны – для реки?

Эх, собрат мой по жизни и смерти,
Я не вправе учить-укорять:
Я кручусь в другой круговерти,
Но нам вместе жить-помирать.

За тобой не страна, а семейство;
Помоги – и семье, и реке,
И всему, что вокруг, невдалеке,
Но на помощь грехов – не надейся.

Ты надейся – на доброе имя,
На свой добротный дом,
На поле, вспаханное руками своими,
На детей, играющих под окном,
На Бога, спасающего от ненависти и пожара,
На время, когда отдыхать недосуг,
На воскресенье земли после пара,
На верность соседских рук,
На достоинство (не на гордость),
На то, что ты и есть
Живой, настоящий корень
Всего, что будет здесь,

И на старую русскую местность,
Что досталась на все времена
От людей, нам уже неизвестных,
В ненадёжное наше наследство...
Посмотри, как прекрасна она!

Всё окрестное – наша награда.
Но за что? Дано ли понять?
А пока не поймём, нам не надо,
Не надо
На неволю и бедность пенять.

...Что ж, прощайте. Уехать не рвусь я,
Но приходится. Вот и вокзал.
Я вернусь ещё к местности русской
Возле речки по имени Устья,
Но меня город чудный позвал.

2000–2002,
2006–2007,
2018

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ

Окрестности

Устья – река в Ярославской области; настоящее название – *Устье* (в старину означало «рыбное угодье»).

Слобода (в прошлом – Плохова Слобода) – деревня, **Троицкое** – село; расположены на р. Устье в 30 км к югу от Углича (Ильинская волость).

Соседи

Саша и Петрович – персонажи, прототипы которых (в том числе Алексей Петрович Грецов) не говорили именно тех слов, которые им приписал автор; однако они могли бы сказать нечто подобное.

«Из деревни как-то летом...» – речь идёт о 1990-х годах.

Вшивая горка – слухи о ней связаны с грибными местами в окрестностях д. Слобода. **Держилово, Монáрево** – деревни к югу от Слободы; **Дубняки** – покинутая деревня.

Под – нижняя часть горнила (топки) русской печи.

Сочиво – сок из семян, употребляемый для приправы, а также кушанье, приправленное этим соком.

Устье – выходное отверстие русской печи, через которое закладывается топливо и помещается посуда.

Дом

«Живущий... несравним» – слова из стихотворения О. Мандельштама.

Егор Кузнецов – житель д. Слобода, **Анна** – его жена; изба, о которой идёт речь в данном разделе, построена Е.М. Кузнецовым и его братьями в 1914 году.

Курышино – деревня к северо-западу от Слободы.

Новина́ – небелёная холстина.

Заозерье – торговое село по дороге из Углича в Сергиев Посад и Переславль-Залесский (юго-западнее Слободы).

Ильинское – село на дороге из Углича в Ростов, волостной центр.

Мионовская колбаса – производство колбасы в с. Ильинское наладил в 20-х годах С. С. Мионов.

Каблуково (в старину – Клобуково) – деревня к юго-востоку от Слободы.

Внучка Егора – Людмила Кузнецова, её **дочь** – Ирина Федорчук.
Омшаник – утеплённое помещение для зимовки пчёл.
«Забор... он стоит до сих пор» – до 2012 года, потом поставлено ограждение из металлической сетки.

Мятежный поход

Старухин, Львов – участники реальных событий (так называемых «кулацких мятежей» 1918–1919 гг.), о которых в пересказах стариков многие помнят до сих пор.

Нагорье – крупное село по дороге из Углича и с. Ильинского в Сергиев Посад и Переславль-Залесский.

Катырева яма

Чернова Ольга – молодая женщина из д. Вальцово; жила в д. Иванцево, потом в с. Улейма, где и погибла в 1997 г. (самоубийство).

Катырева Анна – скотница, утопившаяся в р. Устье в 30-х годах. По её фамилии назван один из омутов.

Станок (в свиарнике) – огороженная площадка для свиноматки.

Плетюга (местное) – большая корзина для переноски сена.

Троицкое

Вассиан (1439–1509) – основатель Рябовской пустыни, которая, как показал В.А. Буряков, находилась на месте нынешнего села Троицкого (некоторыми это оспаривается). Главное отступление автора от опубликованных жизнеописаний Вассиана состоит в том, что в действительности Вассиану помогли основать пустынь и построить церковь его родственники и местные бояре. Душевные движения и взгляды Вассиана являются вымыслом автора.

Паисий – основатель и игумен Покровского монастыря на Волге под Угличем, учитель Вассиана.

Князь Андрей (Васильевич) – князь Угличский (Андрей Большой, Горяй), брат великого князя Ивана III.

Князь Иван (Васильевич) – Иван III, великий князь Московский.

Улейма – село, где находится Николо-Улейминский монастырь (недалеко от Углича, по Ростовской дороге).

Травень – древнеславянское название месяца мая.

Звениха – речка, приток р. Устье.

Тóни – места рыбной ловли.

Жигимонт – польский король Сигизмунд.

«Ужас видений был лишь одному» – видение о судьбе Углича было ниспослано, согласно летописи, иноку Никольского монастыря.

«О, Угличская земля!..» – использованы фрагменты Угличской летописи.

Бастыльник (местное) – сорное растение, вид василька; почти не поедается скотом.

Бобыли – бедные крестьяне, не владеющие землёй.

Хвостатая звезда – комета, появившаяся в 1619 г. (упоминается, например, в «Летописи о многих мятежах...», 1771).

Евдокия Королёва (Козлова) – жительница с. Троицкого, организатор сбора средств, которые обеспечили сохранение церкви.

Комбедовские – члены так называемого «комитета бедноты».

Тимофей (Лазариков) – житель д. Высоково, священник Троицкой церкви в 1930–1945 гг.

«На пороге... трава» – сейчас церковь регулярно ремонтируется.

Друг

Друг – Трусов Леонид (Лев) Николаевич (1935–1963), внук Егора Кузнецова; учился в Лесотехнической академии, после её окончания работал в лесоустроительной экспедиции. Охотничьи впечатления, использованные в данной главе, получены от совместных походов с Л. Трусовым и Э. Кобаком.

Институт в старинном парке – Лесотехническая академия в Ленинграде (Петербурге), в прошлом – Лесной институт.

Ток – особое поведение птиц в брачный период (у вальдшнепов – «тяги»), а также место, где это происходит.

Лисино – пос. Лисино-Корпус, где находится база Лесотехнической академии для прохождения летней практики студентов; Охотничий дворец – здание, которое использовалось при царских охотах, позднее – как студенческое общежитие; церковь – храм во имя Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (дворец и церковь построены при Александре II архитектором Н.Л. Бенуа); клички лошадей – надписи на стене, сделанные готическим шрифтом немцами во время войны, когда в церкви была конюшня.

Двоуродная сестра – Людмила Кузнецова, внучка Егора Кузнецова; женский фотоснимок – её фотопортрет в деревенском доме (д. Слобода).

Клин, Осек, Точищи, Пустошка – названия урочищ, расположенных около д. Слобода.

Преснецы – род выпечки (блины с начинкой, изготовленные в русской печи).

Губино – деревня к югу от Слободы.

Мария – старшая дочь Егора Кузнецова, **Григорий** – её муж.

Река

Вёкса – река, которая сливается с р. Устье и образует реку Которосль (последняя впадает в Волгу).

«Мост через Устье деревянный» – к моменту издания книги мост разрушен, используется самодельная переправа (плот и канат, натянутый между двумя колёсами).

Вощина – восковой остов пчелиных сотов.

Урожай

«Каждый при своём» – девиз на государственных межевых столбах, поставленных на хуторах и отрубках во время столыпинской реформы.

На горе

Княгиня Ольга, князь Владимир, Святогор – сведения о достопримечательностях территории в районе г. Ростова и р. Устье приводились в литературе неоднократно, в том числе А.А. Титовым в книге «Ростовский уезд Ярославской губернии» (1885); первоисточники – летопись, находившаяся в хранилище П.В. Хлебникова и выписки из неё А.Я. Артынова.

«Борис и Глеб» – Борисоглебский монастырь, основанный ростовскими монахами Фёдором и Павлом; по преданию, место для него выбрал Сергей Радонежский в 1363 г. на берегу р. Устье.

Награда

Город чудный – Ленинград-Петербург (см.: В. Федорчук «На берегу несинего моря. Поэма», 2007, 2018).

Рисунок на обложке сделан по фотографии 1950-х годов (автор фото – Л. Н. Трусов).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. НА БЕРЕГУ

ОКРЕСТНОСТИ.....	7
1. У реки.....	7
2. В лесу.....	8
<i>Отступление о рябине</i>	8
СОСЕДИ.....	9
1. Саша.....	9
<i>Отступление о русском мате</i>	11
2. Слух о вшивой горке.....	12
3. Разговоры с Петровичем.....	14

Часть вторая. ТЕЧЕНИЕ

ДОМ.....	19
1. Изба.....	19
2. Исход.....	20
<i>Отступление об ожидании Иного</i>	24
3. После Егора.....	24
МЯТЕЖНЫЙ ПОХОД.....	25
<i>Отступление о целине</i>	27
КАТЫРЕВА ЯМА.....	27
<i>Отступление о русских женщинах</i>	32
ТРОИЦКОЕ.....	34
1. Преподобный.....	34
2. Разорение.....	44
<i>Отступление о русском снеге</i>	50
3. Отпор.....	51
<i>Отступление о сеятеле</i>	54
4. Церковь.....	55

ДРУГ.....	56
1. Охота.....	56
<i>Отступление о любительской охоте</i>	
<i>и других труднообъяснимых поступках.....</i>	69
2. Дорога на Губино.....	70
<i>Отступление о певце.....</i>	72

Часть третья. МЕСТНОСТЬ

РЕКА.....	76
УРОЖАЙ.....	81
1. Здешний климат.....	81
<i>Отступление о русском климате.....</i>	82
2. Поля.....	83
<i>Отступление о сельской хозяйке.....</i>	86
НА ГОРЕ.....	87
НАГРАДА.....	88
Примечания автора к отдельным главам.....	91

Федорчук Виктор Николаевич

РЕЧКА УСТЬЯ

Стихотворный рассказ
об одной русской местности

3-е издание, переработанное и дополненное

Подписано в печать 13.03.2018. Формат 60х90/16.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 6,25. Тираж 52. Заказ 16527б.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного автором, в Издательско-полиграфическом
центре Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17, 550-40-14.